

Петербургские
Детективные
Тайны

КТО ПОЙМАЛ БУКЕТ НЕВЕСТЫ

ЕКАТЕРИНА
ОСТРОВСКАЯ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-77

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

Оформление серии *С. Курбатова*

Островская, Екатерина.

О-77

Кто поймал букет невесты невесты / Екатерина Островская. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Петербургские детективные тайны).

ISBN 978-5-04-171598-4

Роскошная свадьба закончилась совсем не так, как все ожидали: в завершение вечера, во время салюта, был убит молодой муж — известный красавец-актер Мирослав. Его смерти желали слишком многие: отвергнутые поклонницы, режиссер, с которым актер накануне поссорился, и даже отец невесты. А когда буквально на следующий день погиб друг Мирослава, дело приобрело совсем неожиданный оборот. К расследованию подключилась Вера Бережная, владелица детективного агентства. Ей нужно помочь новой подруге Ане Игнатъевой, волею случая оказавшейся гостьей на злополучной свадьбе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171598-4

© Островская Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню — а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманнами мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Глава 1

Дверь отсутствовала: огромная, похожая на зал приемная не была отделена от коридора. Аня шагнула в этот зал и сразу направилась к секретарской стойке, за которой сидели двое — subtilный молодой человек и девушка-брюнетка с короткой стрижкой.

— Мне было назначено на двенадцать, — сказала Аня и представилась: — Моя фамилия Игнатьева.

Молодой человек посмотрел на какой-то листок и указал на кресла, стоявшие вдоль стен.

— Присаживайтесь.

Аня опустилась в одно из кресел и бросила взгляд на большие напольные часы в ореховом корпусе. Как ни странно, часы не были простым украшением интерьера, они работали и показывали без пяти двенадцать.

— Там больше никого нет? — поинтересовалась брюнетка, взглянув на посетительницу и кивнув сторону коридора.

— Я никого не видела, — ответила Аня.

— Странно! — пробормотала секретарша. — С вахты звонили, передали, что какая-то американка к нам прошла.

— Это они про меня говорили, я показала охранникам водительское удостоверение, которое получила в Штатах.

Молодой человек бросил на Аню полный любопытства взгляд, но спрашивать ничего не стал.

Ровно в двенадцать брюнетка нажала кнопку селекторной связи и обратилась к боссу:

— Виктор Константинович, к вам Игнатьева.

— Пусть заходит, — ответил мужской голос.

Кабинет босса тоже был огромным. И роскошным. Из-за большого рабочего стола на встречу Ане поднялся господин лет пятидесяти и указал на круглый низкий стол в углу, возле которого стояли три кресла. Вероятно, столик предназначался для деловых бесед, а уж никак не для разговора с соискателями места репортера. Что ее пригласили именно за этот стол, Аня сочла хорошим знаком.

Аня опустилась в кресло. Мужчина, слегка подпернув брюки, расположился напротив. Костюм сидел на нем идеально и наверняка был сшит на заказ у очень хорошего портного, а не приобретен в магазине. Лицо генерального директора ничего не выражало — обычная вежливая маска делового человека.

— Обычно я лично не знакомлюсь с будущими рядовыми сотрудниками, — проговорил он. — Но

вас рекомендовал Старков, а это солидная рекомендация. Вы учились у него?

— У него, а потом у других хороших фотографов.

— Другие меня не интересуют. Достаточно Старкова. То есть по журналистской специализации вы — фоторепортер?

— В моем дипломе написано «журналист», но дипломную работу я писала по развитию жанра журналистских расследований.

— Так вы еще и пишете? — растягивая слова, удивился гендиректор. И, не дожидаясь ее ответа, уточнил: — Но фоторепортером все-таки успели поработать?

— Мой опыт указан в резюме, как и мои навыки.

— Мне некогда просматривать все поступающие резюме. Расскажите, где вы работали?

Генеральный директор откинулся на спинку своего кресла с таким видом, словно приготовился выслушать долгую историю.

— Журналы «People», «Time» и «Fortune» иногда публиковали мои снимки, — начала перечислять Аня. — Потом «National Geographic» как-то разместил фоторепортаж о...

— Вы серьезно? — перебил ее гендиректор, резко выпрямившись. — Если это так, что ищете в моем журналчике?

— Работу. Недавно вернулась из Америки. Теперь буду жить здесь, хочу работать по специальности — другого места пока не нашла.

— Вы жили в Штатах? Как вы туда попали?

— Шесть лет назад, то есть почти семь, когда я училась на последнем курсе, оказалась в Москве, там как раз были протестные митинги. Я решила сделать несколько снимков. Мои фотографии прошли отбор на конкурс «Интерпрессфото». В результате получила вторую премию, подарок от одного из спонсоров — фирмы «Sony» и предложение от одного из американских фондов продолжить образование в Нью-Йорке. Так что кроме диплома Санкт-Петербургского университета у меня за плечами еще два года обучения в институте Артура Картера при Нью-Йоркском университете.

— Неплохо. Признаюсь, не ожидал. — Гендиректор явно был впечатлен. — Нам нужен скромный светский репортер, а вы... Неожиданно как-то. Обычно приходят девочки с мыльницами, уверенные в том, что нажимать на кнопку — это самое главное. На телефон еще пробовали снимать... Но такие вылетают сразу. А была одна, которая решила, что через нас познакомится с каким-нибудь олигархом. И что удивительно — познакомилась! Прикинулась эдакой семнадцатилетней провинциальной простушкой, села на хвост Боре Горовцу и таскалась с ним по тусовкам. Потом он по собственной наивности женился на ней, но это плохо кончилось для обоих. Она решила развестись и разделить имущество... Кстате, вы замужем?

Аня ответила не сразу, посмотрела на окно и произнесла негромко:

— Вдова.

— Сочувствую.

Генеральный директор поднялся, подошел к своему столу и нажал на кнопку селекторной связи.

— Нам бы кофейку. — И взглянув на Аню, спросил: — Вы кофе пьете?

Аня кивнула.

— Охотно, но только хорошие сорта. Из бразильских — робусту конилон, никарагуанский — марагоджит, но всем предпочитаю — арабику майсор.

— Ого! Ну если вы еще и в фотографии такой же специалист...

— У меня в дипломе написано «специалист», а что касается кофе, то я — любитель.

Хозяин кабинета вернулся в свое кресло и продолжил, но с видимым разочарованием:

— Я планировал найти кого-то, кто будет ходить по светским тусовкам и при этом не только нажимать на кнопку аппарата, но и делать хорошие снимки. Вы видели наш журнал?

Аня кивнула.

— Значит, вы поняли, что требуется от светского репортера. А как теперь вас использовать? Это то же самое, что иметь танк и ездить на нем в ближайший универсам за сигаретами.

— Я не курю, — улыбнулась Аня.

— Да это я образно!

Вошла брюнетка с подносом, на котором стояли небольшой кофейник и две чашки. И блюдо

с канапе: к маленьким бутербродикам с кусочками моцареллы шпажками крепились помидорчики-черри.

— Использовать вас — это как из пушки по воробьям, — наконец нашел сравнение гендиректор. — Но тем не менее...

Аня пригубила кофе и посмотрела на ожидающую команды застывшую брюнетку.

— Кофе сорта «сантос», — сказала Аня, — из простых самый известный.

— Нам его из Бразилии специально привезли — целую коробку зерен. Сказали, что самый лучший.

— Из недорогих — возможно, — согласилась Аня.

Генеральный директор махнул рукой секретарше, и та удалилась.

— И тем не менее я не могу не взять вас на работу, — продолжил он. — Одно задание для вас уже есть. Через три дня Леня Красильников выдает замуж дочь. Дочка, разумеется, хотела отметить это событие в Италии или во Франции — где-нибудь на Лазурном Берегу, но среди приглашенных есть видные чиновники, которые теперь, увы, невыездные. А без них праздник — не праздник. А потому Леня решил сделать Лазурный Берег здесь. Купил участок на берегу залива, посыпал берег черноморской галькой... Разумеется, не специально к свадьбе купил, но так уж совпало. Но зато сейчас быстренько расставил пальмы в кадках, дорожки выложил, поставил домик и па-

вильоны. Конечно, получилось дороже, чем пару-тройку чартеров заказывать, но зато charter улетит вместе с деньгами, а эта красота останется надолго. Красильников, кстати, очень изобретательный товарищ. Он задумал полностью оплатить номер нашей «Светской жизни», целиком посвященный свадьбе дочери, чтобы каждый гость мог получить потом то, что будет стоять на полке. Естественно, должно быть суперкачество, да и полос будет не как обычно — девяносто шесть, а вдвое больше.

— Я поняла. Толстенная книга получится, если учесть плотность бумаги.

Генеральный кивнул и продолжил:

— А поскольку вы — профессионал, то ничего объяснять не буду. Нужен общий план и крупный план. А если будут вдруг нелепые неожиданности, то постарайтесь не пропустить какой-нибудь смешной казус: например, кто-то упал в бассейн, кто-то завалил под стол чужую жену... Шучу. Там все будет очень чинно. Да и вы не должны выглядеть, словно обычный свадебный фотограф. Вы будете среди приглашенных, а пару... В смысле кавалера на вечер я вам отыщу. Все будет выглядеть так, словно вы из их круга, но пришли в гости со своим аппаратом. Простых фотографов и операторов там и без вас будет достаточно, но вряд ли их подпустят близко к столам. Все ясно?

Аня кивнула, но решила уточнить:

— Я только не поняла насчет пары.

Генеральный директор задумался:

— У меня есть знакомые, которые пойдут на этот праздник Гименея без пары: один только что развелся, а жена другого любит скандалить в обществе, а потому он ее отправил в Милан на шопинг. Только вы, разумеется, должны и выглядеть достойно.

— Что-нибудь от кутюр?

— Приличненькое, — уклончиво ответил новый босс. — Если у вас нет, то я готов выделить в качестве аванса некоторую сумму и подсказать неплохой бутик.

— Спасибо, но у меня есть в чем пойти. Три года назад в Нью-Йорке познакомилась с молодым японцем, который бредил модой. Он пригласил меня в Сингапур, где тогда проживал сам, и я там сделала несколько сотен снимков его работ. Такедо искал спонсоров и нашел их в Китае. Теперь он самый раскрученный в Азии модельер, огромное количество поклонников. Фирма его солидная, хотя и принадлежит китайцам...

— Вы скажите еще, что фирма называется «Клан Катани»?

— Именно так и называется, — кивнула Аня. — Так что духи, линии одежды, аксессуары — все это разработки Такедо, который взял себе псевдоним Киото Катани.

Генеральный директор «Светской жизни» некоторое время молчал и, наконец, негромко произнес:

— И вы лично знакомы с Киото Катани?

— Почти друзья. Из своей первой коллекции

он сам выбрал и подарил мне кое-то. В чем я и явлюсь вашему миру.

— Не верится как-то. Откуда вдруг такие связи у простого фоторепортера?

— Просто моим учителем был Марк Хайден, которого считали лучшим фотографом современности, — улыбнулась Аня. — Он был моим профессором, а потом стал моим мужем.

Глава 2

Марк Хайден был председателем жюри конкурса «Интерпрессфото». Сам он номинировал снимки Анны Игнатъевой на третью премию, но остальные члены убедили его отдать русской студентке второе место. А Гран-при получила, опять же против воли Марка, фотография двух целующихся геев на фоне разрушенного иракского города. Оба гея, разумеется, в форме американских морских пехотинцев. Но именно снимки Ани потом опубликовал журнал «Тайм». Ей выплатили гонорар, после получения которого Аня окончательно приняла решение учиться в Нью-Йорке. С Марком она несколько раз разговаривала по скайпу и переписывалась в «Фейсбуке», и сначала он интересовал ее исключительно как профессионал.

Это потом уж профессор Хайден признался, что полюбил Аню с первого взгляда, когда увидел ее лицо на экране монитора своего компьютера.

У Марка была большая квартира на Пятьдесят девятой улице рядом со станцией метро «Пятая авеню» и отелем «Плаза». Из окон открывался вид на Центральный парк, на большой пруд, на спортивный клуб Нью-Йорка и зоопарк Центрального парка. Одна из комнат квартиры была похожа на музей фотоаппаратуры: Марк долгие годы собирал старинную фототехнику и редкие фотографии. В коллекции была первая камера для дагеротипии, бокс-камера Джорджа Истмена, первый фотоаппарат «Кодак» для роликовой пленки, а также миниатюрные фотоаппараты, вмонтированные в пудреницы и зажигалки — шпионские гаджеты из арсенала Джеймса Бонда.

В первый раз посетив квартиру Хайдена, Аня долго рассматривала коллекцию. Марк был польщен ее интересом и с удовольствием провел экскурсию. Возле увеличенных снимков Мэттью Бреди он замер и сказал:

— Величайший фотограф всех времен. Настоящий художник, первый фотодокументалист. Удивительно, как он с той примитивной техникой мог создать настоящую галерею войны Севера и Юга.

Аня рассматривала фотографии офицеров на фоне палаточных лагерей, когда за спиной прозвучал тихий голос профессора Хайдена:

— Я люблю тебя, Энн.

Она тогда растерялась. Признание было таким неожиданным, что Аня не знала, что ответить. Она боялась даже обернуться.

А лучший в мире фотограф, который был ее кумиром, спросил обреченно:

— У тебя кто-то есть в России?

Аня наконец посмотрела на него, помотала головой:

— Сейчас никого нет. Я какое-то время встречалась с папиным аспирантом, но мы расстались.

Мистер Хайден задумался, сопоставляя. После чего поинтересовался:

— Твой папа — ученый Михаил Игнатъев?

Аня кивнула.

— Я — его фанат, — признался Марк. —читаю все его статьи, которые у нас публикуют. Его экономическая теория уникальна, потому что это больше чем экономика. Он очень богатый человек?

— Совсем нет. Такой же, как большинство людей в нашей стране. Он говорит, что ему нужно только, чтобы хватало на еду, на рюмочку коньяка после обеда и на брюки, чтобы прикрыть свой зад. Мама поэтому с ним и развелась.

— Очень жаль, — вздохнул Марк.

В тот день он больше не говорил о своей любви. Аня вернулась в общежитие, в комнату, которую делила с Торой Джонсон из Цинциннати. Соседка засыпала ее вопросами:

— Он отвел тебя в ресторан? Нет? В баре посидели? Ну, хоть переспали?

Ответ ее удивил.

— А зачем тогда ходила к нему?

Ночью Аня долго не могла заснуть. Лежала и думала, вспоминала прошедший день, квартиру профессора, коллекцию камер, самого мистера Хайдена, его признание и его смущение. И поняла, что Марк нравится ей: нравится как преподаватель, конечно же, как фотохудожник, но и как человек он интересен. Марк обаятельный, симпатичный, занимается яхтенным спортом. А какие у него восхитительные снимки океана, всплывающих китов и резвящихся дельфинов! Морская пена, взлетающая над палубой, чайки, паруса... Аня представляла все это, постепенно засыпая, и понимала, что очарована Марком, пусть пока ее очаровало лишь его фотоискусство, но этот человек ей небезразличен.

Утром она призналась сама себе, что, действительно, мистер Хайден ей симпатичен, хотя и не настолько, чтобы спать с ним. Она не хотела спать и с темнокожим сокурсником Джексоном, который открыто предлагал ей это, не стесняясь присутствия посторонних. Аня публично отказала ему, и тогда Иеремия Джексон пустил слух, что русская студентка — расистка. Ему поверили, Аню даже вызвали в деканат, чтобы предупредить, что она находится в свободной стране, а потому не следует так открыто выражать свои взгляды. Аня пыталась объяснить, что Джексон домогался ее, но не нашла сочувствия и понимания. Она вышла из деканата в слезах. И столкнулась с довольным Джексоном.

— Ну че, конфетка, — бросил он, нахально подмигнув, — тебе все объяснили? Так что жди — я приду сегодня.

Аня решила не возвращаться в общежитие, а так как идти ей было некуда, она приехала к мистеру Хайдену. В ту ночь ничего между ними не было, Марк предоставил госте отдельную комнату.

А Иеремия Джексон, явившись, как и обещал, остался у Торы Джонсон, с которой и провел ночь. Джексон даже запечатлел некоторые моменты их общения, распечатал снимки на принтере и вывесил их на факультетской доске объявлений.

Джексона вскоре отчислили, и он тут же подал в суд, обвинив всех преподавателей в расизме. На суде выступил и профессор Хайден, который сообщил, что студента Иеремию Джексона отчислили за неуспеваемость по специальным предметам, а представленные им для всеобщего обозрения фото в стиле ню очень низкого качества, вероятно, вследствие того, что Джексон пропускал занятия, что отражено в ведомостях посещаемости.

Тора тоже подала в суд на Джексона за нарушение ее права на личную жизнь. Она потребовала с бывшего сокурсника в порядке компенсации два миллиона долларов. Суд признал Джексона виновным, приговорил его к двум месяцам обязательных работ и заставил выплатить по-

страдавшей в качестве компенсации двести долларов.

Но все это уже мало интересовало Аню Игнатьеву. Она уже перебралась к Марку насовсем. Потом была свадьба — весьма скромная, но родители невесты из России приехали. Отец — Михаил Васильевич Игнатьев заодно прочитал четыре лекции в Колумбийском университете для всех желающих. Университет, естественно, оплатил эти лекции. Сумма, к удивлению отца, оказалась значительной, но он оставил весь гонорар дочери. А Марк сделал отличную фотографию: известный русский экономист и диссидент кормит хлебом голубей в Центральном парке, среди деревьев, которые сбрасывают багровую и золотую листву.

Глава 3

Фотографировать чужую свадьбу — задание несложное. Конечно, Аня Игнатьева рассчитывала совсем на другую работу. Но можно начать и с этой.

Накануне позвонил мужчина, который представился кинорежиссером Летягиным. Он сообщил, что по просьбе Виктора Константиновича Сухотина будет сопровождать Аню на свадьбу, а потому хочет узнать, во что она будет одета, чтобы соответствовать стилю.

— Скромненько оденусь, — пообещала Аня. — Серое платье из сиамского батика с перламутро-

выми чешуйками. Клатч из того же перламутра, туфли из серой змеиной кожи. Все предметы из первой коллекции Киото Катани.

— Это шутка такая? — не поверил ее будущий кавалер.

— Нет, не переживайте: все очень скромное, неброское.

После звонка Аня нашла в интернете информацию на Вадима Летягина. Оказалось, что он снял несколько фильмов, последний из которых назвали культовым. Аня ни одного из его фильмов не видела. А сам режиссер, если верить фотографиям, был улыбочивым и обаятельным тридцатилетним мужчиной.

Летягин заехал за ней на черном «Мерседесе». Машину предоставил им Сухотин. Серый костюм Летягина гармонировал с нарядом Ани, даже галстук он выбрал с рисунком под змеиную кожу.

Когда разместились на заднем сиденье, Аня отдала спутнику фотоаппарат, который взяла собой. Летягин оценил камеру.

— Так это же «Hasselbland Н-четыре D»! — восхитился он. — Я слышал о таком фотике, но впервые держу в руках. Откуда?

— Подарок мужа, — коротко ответила Аня.

Больше вопросов Летягин тактично не задавал.

Зато рассказал много интересного. К примеру, что дочь Красильникова, с которой он практически не знаком, хотя и видел пару раз, выходит за-

муж за сына кинопродюсера Лесневича. А с Лесневичем он общается часто и даже приятельствует. С продюсером, разумеется, а не с его сыном. Но и с парнем тоже знаком.

— Хотя от таких ребят надо держаться подальше, — заключил Летягин.

— В каком смысле? — поинтересовалась Аня.

— Во всех. Парень просто поля не видит. Закончил театральный, хотя способностей немного, если не считать фактуру. Снялся в нескольких фильмах в ролях второго плана, но все режиссеры зареклись с ним работать. У меня в «Хароне» он тоже был занят. Но я, зная Мирослава, сразу отснял все эпизоды с ним, чтобы поскорее расстаться. Но он не уезжал, каждый день появлялся на съемочной площадке, подбивая всех остальных актеров на нарушение режима. С трудом уговорил Лесневича забрать сына.

— О чем ваш фильм?

— Сюжет, кстати, неожиданный, — охотно принялся рассказывать режиссер. — Людей отвозят в лодке на некий остров, где располагается комплекс полуразрушенных зданий и где обитают неприкаянные персонажи с разными историями. Все они считают, что умерли и находятся в потустороннем мире... А Харон привозит все новых и новых...

— Я смотрел, — обернулся водитель. — Не скажу, что особенно увлекло, но жене понравилось. Особенно тот красавчик, который напился на собственной свадьбе, а потом очнулся черт-те где.

— Вот эту роль как раз и исполнял Мирослав Лесневич, — сказал Летягин и строго заметил водителю: — Но впредь попрошу вас не мешать нашему разговору.

Всех прибывающих гостей встречали лично отец жениха продюсер Лесневич и отец невесты — Леонид Борисович Красильников, про которого спутник сообщил Ане, что тот владеет крупной финансово-промышленной группой. Лесневич обнял Летягина, как самого близкого друга, а потом поцеловал руку Ане. И шепнул Летягину в ухо, прекрасно понимая, что девушка слышит:

— Кто такая? Почему не знаю?

— Для меня тоже загадка, — тихо ответил тот. — Просто незнакомка.

— Понял, — ответил Лесневич и громко продекламировал: — Девичий стан, шелками схваченный...

Народу прибывало все больше и больше. Аня начала работать, фотографируя гостей. На нее оборачивались некоторые мужчины, а женщины разглядывали ее платье. Впрочем, их интересовало, скорее всего, то, что она пришла с известным режиссером.

Церемония бракосочетания состоялась еще утром. На ней присутствовали только самые близкие. И теперь собравшиеся гости с нетерпением ожидали прибытия молодоженов. На площадке под навесом расположился небольшой

скрипичный оркестр, который исполнял мелодии Дворжака и Чайковского. Официанты разносили коктейли и шампанское. Летний день был теплым и солнечным. Воробьи в ожидании хлебных крошек отчаянно чирикали.

— У вас есть аккредитация? — прозвучал за спиной женский голос.

Игнатьева обернулась и увидела темноволосую молодую женщину, которая смотрела уж если не строго, то очень внимательно изучала.

— Простите, но меня попросили сделать несколько снимков.

— Кто просил? — наседала незнакомка. — У вас профессиональная камера, а журналистов сюда не должны были пропускать.

— Вообще-то я по приглашению, вместе с режиссером Летягиным.

Аня посмотрела вокруг, надеясь найти своего спутника, чтобы он подтвердил ее слова, но лицо подошедшей к ней женщины изменилось. Теперь она старалась казаться приветливой.

— Меня зовут Клара, — представилась она, — я — пресс-секретарь вице-губернатора Колобова. Вы же понимаете, вдруг случайно будет какой-то неудачный кадр, который может нанести ущерб репутации уважаемого человека...

— Я постараюсь, чтобы такого не произошло, — пообещала Игнатьева.

— Да уж надеюсь, — улыбнулась Клара и продолжила: — А что сейчас Летягин снимает?

Аня пожала плечами:

— Не знаю.

И тут же пресс-секретарь потеряла к ней всякий интерес. Сказав, что у нее здесь много работы, она удалилась. И это было странным: какая работа, ведь это свадьба дочери местного олигарха, к которой вице-губернатор не имеет никакого отношения.

Время тянулось, а молодых все не было. Наконец, не выдержали родители жениха и невесты, стали названивать молодоженам и злиться.

— Веселая свадьба предстоит, — прозвучал за спиной Ани женский голос. — Говорят, после регистрации счастливая невеста так швырнула свой букет, что он не за спину ей полетел, а вперед...

— И что, никто не поймал, что ли? — любопытствовал другой женский голос.

— Не знаю, я не присутствовала. Но если бы и была там, то ловить не стала. Меня пока мой муж вполне устраивает.

Аня обернулась и увидела расположившихся в ротанговых креслах двух дам лет тридцати. Направила на них объектив фотоаппарата, и обе женщины склонились друг к дружке и как по команде сделали губки уточкой.

Вскоре к воротам резиденции подъехали несколько автомобилей, из которых вышли молодожены и их друзья. Аня обернулась к ним, продолжая снимать.

Скрипки и альты взвились, хлопнули несколько петард, собравшиеся закричали «ура!» и зааплодировали. Все начали рассаживаться за столы.

Летягин прошел вдоль столов и нашел две карточки со своей фамилией и фамилией Ани. Оказалось, их посадили неподалеку от молодоженов.

Аня продолжала работать, она уже сейчас могла отметить, что некоторые кадры получатся удачными, способными оживить репортаж. Одна дама принесла в своей сумочке собачку и подкармливала ее хамоном и черной икрой, держа сумочку с собачкой на коленях под столом. Другая гостя, улыбаясь сидевшему справа от нее мужу, хватала за коленку молодого человека слева от себя. Начальник какого-то отдела из городской администрации, сделав большой глоток шампанского, едва не подавился, закашлялся, из глаз у него потекли слезы. На снимке получилось так, будто он захлебывается от рыданий.

Произносились тосты, хлопали открываемые бутылки шампанского, люди смеялись и ели. Почти сразу началась раздача подарков. Гости говорили напутственные слова молодоженам и подносили им увесистые конверты.

Когда дошла очередь до Летягина и Ани, то режиссер поднялся, достал из кармана совсем тощий конвертик и сообщил, что в конвертике лежит приглашение для невесты сняться в одной из ролей в его новом фильме.

— Йес! — закричала невеста, выскочила из-за стола навстречу подходившему к ней Летягину, бросилась ему на шею и расцеловала.

На самом деле все, что надо для журнала, было уже снято. Но с наступлением темноты ожи-

дались салют и фейерверк, а это тоже надо было запечатлеть.

Аня сделала несколько снимков главного стола, сфотографировала крупным планом родителей молодоженов и свидетелей. Потом уединилась в сторонке возле пальм, чтобы проверить, как получается. Тут к ней подскочила девушка.

— Классный прикид у тебя, — шепнула она. — Тут есть один специалист, который сказал, что это оригинальный Киото Катани. Мы поспорили с ним.

— Ваш специалист выиграл, — ответила Аня.

— Да ну его! Я просто повод искала, чтобы с вами познакомиться. Я уже подошла к Вадику Лятегину и поинтересовалась вами. И он ответил, что вы постоянно работаете на разных дефиле и всех там знаете.

— Всех — не всех, но кое-кого. А вам нужна протекция?

— Просто хотела там побывать, покрутиться в том мире. Познакомиться с кем-нибудь. Я ведь тоже хотела стать моделью, но папашка не разрешил. Мама не против была. А отец — он привык, чтобы все его слушались...

— А кто у вас отец? — заинтересовалась Аня.

— Вице-губернатор Колобов. Так вы поможете мне?

— Обещать не буду. Но позвонить, чтобы вас встретили, труда не составит. В Гонконге бывали когда-нибудь?

— Нет. А зачем? — растерялась девушка, но тут же догадалась: — Катани там живет? Летягин сказал, что вы с ним дружите...

Аня кивнула.

— Правда? — не поверила дочка вице-губернатора. — А я его просто обожаю! Его духи меня вообще с ума сводят. Особенно «Моси-моси Киото».

— «Моси-моси» на японском означает «алло».

— Да-а? — удивилась девушка. — А что значит «Оясуми Киото»?

— Спокойной ночи, Киото.

— На самом деле, эти духи мне еще больше нравятся. У них такой фиалковый аромат!

— Если вас интересуют переводы названий духов всей линейки, то «Яххо» — это «привет». «Мата асита» — «до завтра». «Хаа» — означает «да, господин».

— Как интересно! — вздохнула девушка. — А еще...

— Если хотите, то встретимся как-нибудь и обсудим, — предложила Аня, чтобы девица отстала и не мешала ей работать.

— Да-да, — обрадовалась дочка вице-губернатора, — было бы здорово.

Она всучила Ане визитку и отошла к своему столику.

Праздник продолжался. Жених напивался все больше и больше, однако невесту это мало интересовало. Она переговаривалась с подругами, кричала им что-то и хохотала. Кое-кто из гостей

направился на выход, Аня и это сняла. Начинало смеркаться. Над столами вспыхнули светильники, и осветилась небольшая эстрада, куда взобрался молодой человек в блестящем костюме и объявил песню, посвященную молодым. Затем спел еще одну. После него на сцену выбежали три девчонки — очевидно, тоже популярные исполнительницы, они сразу начали танцевать, стараясь при этом удержать в руках микрофоны.

— Меня от нашей эстрады тошнит, если честно, — признался Летягин, возникнув возле Ани. — Пойду пройду вдоль берега. Не хотите составить компанию?

— Я на работе, — ответила Аня.

Она фотографировала и изображающих певиц девчонок, и других звезд, гостей, которые становились все пьянее и пьянее. Наконец, концертная программа закончилась. Отец невесты произнес небольшую речь.

Прокричали «Горько!», жених с невестой поднялись, начали целоваться, и в этот момент земля сотряслась от грохота, в небо взлетели сотни петард. Прозвучал второй залп, третий...

Вернулся Летягин с ослабленным узлом галстука.

— Кажется, у вас больше никаких обязательств? — спросил он.

— Еще сделаю пару кадров, как жених с невестой покидают гостей.

— Если Мирослав сможет уйти самостоятельно, — усмехнулся режиссер.

Он обернулся, чтобы посмотреть на молодоженов. Невеста стояла одна и смотрела в небо, где распускались букеты разноцветных огней. Жениха рядом с ней не было. Салют продолжал греметь. Наконец, прозвучали последние залпы, и только теперь невеста заметила, что любимого рядом нет. Она наклонилась к свидетелю и попросила его о чем-то. Вероятно, чтобы он разыскал Мирослава. Не только свидетель, но еще несколько парней поднялись и отправились на поиски. Из-за стола выскочила та самая девушка, которая разговаривала с Аней о духах, а следом еще одна.

Гости переговаривались, выпивали, но уже лениво и без особого азарта.

— А танцев не было, — вспомнила вдруг Аня.

— И драки тоже, — поддержал ее Летагин.

И в этот момент раздался истошный женский крик. Разговоры стихли. Все обернулись, пытаясь понять, кто и где кричал. И тут же прозвучал еще один женский вопль.

— Неужели все-таки подрались? — усмехнулся Летагин, прислушался, и тут же лицо его стало серьезным. — Похоже, это не драка, это что-то страшнее.

Из темноты выскочили заплаканные испуганные девушки, за ними растерянный парень. Тут же в темноту бросился отец жениха.

И мужской голос громко произнес:

— Просьба ко всем уважаемым гостям оставаться на своих местах.

Глава 4

Мирослав Лесневич был застрелен с близкого расстояния. На его лице остались следы порохового заряда. Тело обнаружили друзья жениха, которые и подняли крик. Убитый лежал за рядом пальм в глубокой тени. Когда прибыли полицейские, туда уже подтащили осветительные приборы.

У операторов, снимавших торжество, весь отснятый материал изъяли. Потребовали отдать камеру и у Ани.

— Только под расписку, — ответила она.

— Что вы тут выеживаетесь? — возмутился молодой полицейский в штатском. — Вы своими гламурными понтами всю страну уже достали!

— Эта камера стоит пятьдесят тысяч долларов. Вы готовы выплатить такую сумму в случае исчезновения аппарата или его поломки? — заступился за Аню Летягин.

Режиссера, судя по всему, узнали, спорить с ним не стали, и фотоаппарат Ани решили не забирать. Тем более что приглашенные операторы снимали постоянно, не выбирая отдельные моменты, как фотограф.

Полицейские переписали данные всех присутствующих. То есть почти всех, к некоторым они даже не подходили. Дама с собачкой склонилась над столом, прижав ладони к вискам. Проходящий мимо полицейский пес остановился и потя-

нулся носом к ее коленкам. Прикрытая скатертью собачка икнула от страха, и ее тут же вытошнило в сумочку хамоном.

Полицейский в штатском, тот самый, который пытался отобрать камеру, подошел к Ане.

— Хочу извиниться... Сами понимаете, работа у меня такая.

— Понимаю. И не обиделась.

— Сегодня хотел пораньше лечь, — продолжал оправдываться молодой человек. — У меня завтра суточное дежурство, и вот нате вам — прямо из дома вызвали.

— Вы хотели извиниться, — прервал его Летягин, — ваши извинения приняты. Так что...

Он взял Аню под локоть и хотел увести, но полицейский остановил их:

— У меня вопрос к вашей девушке.

Летягин взглянул на Аню, она кивнула, и режиссер отступил на пару шагов.

— Мне показалось, что вы очень наблюдательная, — сказал полицейский. — И похоже на то, что вы самый трезвый человек здесь. Может быть, вам что-то показалось странным на этой свадьбе?

Аня пожала плечами:

— Ничего такого. Хотя я редко бываю на подобных мероприятиях, не знаю, как обычно ведет себя эта публика. Да и народу было много, чтобы наблюдать за каждым. А молодых людей всего полтора-два десятка. И не все из них из числа близких друзей молодоженов. Они все время молчали.

— Ни у кого ни с кем никаких конфликтов или споров не было?

— Я не заметила. Кажется, все было очень чинно.

— То есть ничего вообще не заметили?

Аня еще раз пожала плечами и добавила:

— Возможно, что-то замечу на фотографиях и вспомню, но пока... Если честно, то я устала от этой суеты и хотела бы поскорее попасть домой.

— Мы уже заканчиваем. Я могу вас отвезти.

— Спасибо, но я доберусь. Нам с режиссером Летягиным выделили машину.

— Тогда можете ехать, если ваш водитель уже дал показания.

Но водитель «Мерседеса», как выяснилось, не дождался своих пассажиров: его дело было только доставить, а потом приехать по звонку, чтобы забрать. На парковке не было места для всех машин, да и те, которые должны были находиться там, из-за отсутствия парковочных мест, сразу укатили по шоферским делам. А те водители, которые остались, ничего не видели и не слышали. Так что шофера издательского дома не допрашивали вовсе. Теперь он стоял возле своего автомобиля и с интересом выслушивал то, чем делились с ним коллеги, разговоры, конечно, были только о произошедшем на свадьбе убийстве.

Летягин опустил на заднее сиденье рядом с Аней и вздохнул:

— Отдохнули, называется. Прямо кровавая свадьба какая-то. Кстати, был фильм с таким названием.

Аня промолчала, зато беседу поддержал разговорчивый водитель:

— Я видел это кино, но давно и не помню даже, чем там все закончилось.

— Не помнишь, так молчи, — посоветовал ему Лetyгин, — за дорогой лучше следи.

— Как прикажете, — обиженно отозвался шофер.

— А почему Сухотин не приехал на эту свадьбу? — поинтересовалась Аня.

— Откуда мне знать? — ответил Лetyгин.

— Я знаю! — обрадовался шофер возможности вернуться в разговор. — Это из-за жены Красильникова и дочки, наверное.

Он развеселился еще больше и продолжил делиться известными ему фактами:

— Тут в одном нашем журнале была статья или как там... репортаж с вечеринки. И девочка, которую Виктор Константинович туда послал, облажалась. Написала, что наряды дам были ужасные, особенной безвкусицей отличались туалеты жены магната Красильникова и его дочки. Дурочку, конечно, из журнала поперли, а заодно и выпускающего, который не вычитал материал и не внес правку, сняли с должности. Конечно, Сухотин с Красильниковым не поссорились, но осадочек остался, как говорится. На свадьбу шефа не позвали, а то точно бы был скандал.

— Уж лучше бы скандал, — усмехнулся Летягин.

— Вы, вероятно, с водителями многих нынешних гостей знакомы. Они чем-то делятся с вами? — обратилась Аня к водителю.

— В смысле информации? Нет, не делятся. А зачем им? Ведь если узнают, что они языком того самого, то голову точно оторвут. Но я недавно на заправке столкнулся с одним бывшим водилой. Кстати, именно Красильникова. Так парня выгнали за то, что он ляпнул где-то, будто дочка Красильникова отрывается в клубах и он порой забирал ее оттуда в хлам пьяную. Да и друзья у нее такие же.

— За дорогой следи! — приказал Летягин.

Когда подъехали к дому, в котором жила Аня, режиссер вышел и галантно открыл дверь перед своей спутницей.

— В гости не набиваюсь, — с грустью в голосе произнес он. — Но если будет желание пообщаться в другой раз, то звоните. — И протянул визитку. Но тут же отдернул руку. — Сейчас я запишу сюда еще один номер, по которому меня всегда можно найти, — объяснил он.

Достал из кармана ручку.

— Этот номер только для самых близких друзей.

— Я никому о нем не скажу, — пообещала Аня, не собираясь звонить режиссеру Летягину вовсе ни по одному из номеров.

Утром Игнатьеву разбудил звонок Сухотина.

— Я все знаю, — не здороваясь, сообщил он. — С коммерческим номером журнала, конечно, облом, но ваша работа будет в любом случае оплачена. А пока отдохайте: сегодня суббота, выходной, а в понедельник с утра жду вас в офисе. У меня родилась одна идея...

— Я поняла, — ответила Аня, хотя ничего не поняла, кроме того, что ее начальник не очень обеспокоен убийством молодого человека — даже не поинтересовался, как это случилось.

Накануне она вернулась в четвертом часу ночи и не сразу легла спать, надеясь утром поваляться в постели подольше, но раз как следует выспаться ей не дали, решила разобрать вчерашние фотографии. Аня пролистала все снимки, дошла до начала салюта, пытаясь определить, кто вышел из-за стола перед женихом или сразу вслед за ним. Но ясности не было.

Она набрала номер своего старого учителя доцента Старкова.

— Тебя интересует, что за человек Сухотин? — Старков несколько растерялся. — Знаю его больше тридцати лет и все равно не могу понять. Мы учились с ним на одном курсе. Приятельствовались. После окончания Витю послали в область в одну районную газету. Это было в самом конце восьмидесятых. И вот он однажды примчался ко мне с идеей: выпускать газету с брачными объяв-

лениями. Мне идея показалась бесперспективной, потому что тогда любая газета была чей-нибудь орган. Или орган обкома партии, или горкома комсомола, или партийной и профсоюзной организации завода. Брачная газета — это тогда казалось чем-то из категории несбыточной мечты. Но ему удалось. Он не учредил новую газету, а как бы стал выпускать приложение к своей районке. Районная типография там была почти своя и не загруженная заказами, излишки бумаги тоже имелись. Главное было найти заказчиков — тех, кто хотел встретить свою судьбу с помощью никому не известного листка, выпускаемого в сельском районе. Но Сухотину повезло, не знаю как, но ему удалось обеспечить реализацию тиража. И опять он пришел ко мне, потому что с версткой у Вити было совсем плохо.

— Но вы ведь какое-то время работали вместе? — уточнила Аня.

— Да, я макетировал ему первый четырехполосный номер. Компьютеров тогда не было, пришлось вручную со строкомером, что не так уж легко, потому что на каждой полосе больше сотни коротеньких объявлений. Первый тираж принес ему три с половиной тысячи рублей чистой прибыли — огромные по тем временам деньги. Дело пошло, о единственной в стране брачной газете вскоре узнали все: в Белоруссии, в Прибалтике, на Кавказе, на Дальнем Востоке, в столице. Газета стала восьмиполосной и выходила, как и прежде, раз в неделю, — вспоминал Стар-

ков. — На ее страницах появилась реклама о продаже квартир, дачных домиков и автомобилей. В советские времена подобные объявления на листочках с рукописным текстом вывешивались на заборах или на бетонных автобусных остановках. А тут газета, которую прочтут многие. У Сухотины в редакции появились две девушки, которые перепечатывали тексты на машинке, я же потом верстал номер. Получал за свою работу, то есть за каждый сданный в типографию номер по сто сорок рублей, то есть месячную ставку журналиста «Вечерки», в которой я трудился тогда. Это длилось чуть больше года, потом Витя решил выпустить собственную газету «Купи-продай», где люди размещали объявления о продаже квартир, машин, швейных машинок, джинсов...

— Как я понимаю, успешно?

— Еще бы! Так успешно, что от моих услуг Витя отказался, потому что нашел профессионалов за меньшую зарплату. Потом у него появилось еще одно издание, другое. Возник его издательский дом. Сейчас размах его уменьшился, потому что есть интернет-издания.

— Но «Светская жизнь» и в сети имеет немало подписчиков, — сказала Аня.

— Имеет, — согласился Старков. — Но интернет-издание отличается от печатного, которое просто пестрит заказными материалами жен каких-то не известных никому богатеев. Стареющие тетки с перетянутыми пластикой лицами пиарятся, фотографируются в шубах в комнатах

с розовыми обоями... Кстати, у Сухотина в собственности есть и ночной клуб — не огромный, но популярный в некоторых кругах. Не был там ни разу, но, говорят, что там и стриптиз, и прочие прелести. Но это все лирика, по мне, так Витя человек не подлый, хотя со своими тараканами. Понятно, что деньги любит, но это по нынешним временам, как говорится, не порок...

Старков какое-то время помолчал, а потом предложил:

— Зашла бы как-нибудь в гости, Анечка. Адрес у меня все тот же. Не забыла, надеюсь? Поговорим обо всем. Ты в своей Америке совсем, видимо, отвыкла от нашей действительности. Кстати, приобрел тут альбом с фотографиями твоего мужа. Море, африканская саванна, прекрасные портреты... Очень талантливый человек был Марк. Так что заходи, если вдруг скучно станет.

Аня пообещала. Поговорить со Старковым, конечно, необходимо. Не только о Марке, разумеется. Говорить о муже было все еще тяжело.

Марк Хайден был богат. Преподавание не приносило ему особых доходов, но снимки его покупали различные издания, по многим странам путешествовали выставки его работ. Звезды экрана заказывали ему фотосессии. После смерти отца-автомеханика Марк получил в наследство дом в Рокфорде, штат Висконсин, автомастерскую и полтора миллиона долларов на банковском счете. Тогда-то он и приобрел небольшую, но роскошную моторную яхту, о которой давно мечтал...

Аня заставила себя сосредоточиться на работе. И за выходные смакетировала фотоальбом свадебных снимков. Получилось неплохо. Хотя с работой в «Светской жизни» наверняка придется расстаться. Надо искать новую, а где ее найдешь? Эту-то больше месяца искала, и если бы не Иван Иванович, искала бы по сей день.

А Старков, очевидно, продолжал о ней думать. Позвонил ей еще раз в середине дня и сообщил, что с нового учебного года почти наверняка удастся пристроить ее на кафедру старшим преподавателем, вести фотодело. Зарплата, правда, невелика, но ведь можно параллельно чем-то еще заниматься. Аня согласилась сразу, потому что, как оказалось, шлеться по чужим свадьбам с фотоаппаратом — не самое приятное дело.

Глава 6

Сухотин внимательно просмотрел все представленные Аней фотографии, после чего сказал:

— Мне уже звонили несколько человек из присутствовавших на свадьбе и спрашивали, когда выйдет журнал. Дескать, их жены интересуются. Пришлось напоминать о трагическом финале. Так люди удивились: «Ну и что?» Один даже пообещал договориться с Красильниковым, которому наверняка все равно, ведь не его дочку убили. Если Леня согласится, то журнал издадим небольшим тиражом, разумеется, без инет-вер-

сии, продадим каждый печатный экземпляр тысяч за десять рублей. Для заказчиков это вообще не деньги. Так что окончательная прибыль может составить двадцать пять, а то и тридцать тысяч евро. Не бог весть какой барыш, но курочка, как говорится, по зернышку клюет, но сыта бывает. А вообще-то вы отлично сработали, Анна Михайловна. Фото высшего класса. При увеличении на лицах некоторых господ видны даже поры и капельки пота.

— Аппаратура хорошая, — объяснила Аня.

— Скромничаете! На всех снимках присутствует динамика, сюжет — жизнь, одним словом. Если номер выйдет, назовем его «Кровавая свадьба». Фильм был такой в стародавние времена. И текст составим в детективном ключе. Все участники, то есть все покупатели нашего журнала, почувствуют себя как бы участниками съемки блокбастера. Тем более что убитый Мирослав Лесневич был достаточно популярным актером. Актером плохим, разумеется, но красавцем, и девочкам нравился до поросычьего визга.

Он замолчал и после паузы заговорил о другом:

— Я вам по телефону сообщил, что у меня есть идея. Так вот, а что, если мы на страницах нашего скучноватого издания заведем постоянную тему: журналистское расследование? Я не про данное убийство, а вообще. Ведь сколько в высшем обществе вертится непонятных людей с капитала-

ми, и никто не знает, откуда взялись у этих людей капиталы. Вроде не бизнесмены, не чиновники, а у них «Роллс-Ройсы», особняки, зарубежная недвижимость... Как вам такая идея?

Аня пожала плечами. Виктор Константинович воспринял это как согласие и воодушевленно продолжил:

— Мне эта идея самому очень нравится, и я готов поручить новое направление именно вам. Думаю, у вас получится, вы же и диплом об этом писали.

— Диплом это одно, а практическая деятельность другое — я же не частный детектив, — возразила Аня.

— Поможем. Главное начать, как говорил когда-то незабвенный Михаил Сергеевич Горбачев. Так что не бойтесь.

Они разговаривали в огромном кабинете генерального директора, сидели, как и в прошлый раз, в креслах.

— Поможем, — повторил Виктор Константинович. После чего достал из кармана мобильный и набрал номер: — Леня, это Сухотин. Мои соболезнования. Твоя дочь переживает, вероятно, а я тут...

Он замолчал, слушая, что ему отвечает Красильников.

— Ну, ладно, если ты считаешь, что это необходимо, то я все сделаю.

Закончив разговор, гендиректор взглянул на Аню:

— Ну, все, как я и предполагал. Леня Красильников без моих намеков самолично попросил не откладывать работу над номером.

— Странно, — удивилась Аня. — Такая трагедия на свадьбе дочери произошла... Обычно подобное пытаются скрыть.

— А чего скрывать, если все и так про это знают? Красильников — мужик хваткий и не прочь лишний раз попиариться. Теперь даже те, кто не слышал о нем ни разу, будут говорить: «А, это тот самый, у которого зятя на свадьбе застрелили».

Сухотин замолчал, ожидая реакции Ани, но она ждала, что еще скажет шеф.

— Если честно, то я думал, что Красильников снимет заказ на публикацию, — продолжил гендиректор. — Но вы же слышали: он сам хочет сделать то, о чем мы собирались просить. Объясняет, что и ему уже звонили и спрашивали про журнал. Даже убитая горем дочка требует: якобы она там хорошо должна получиться в свадебном наряде. Кристина, по словам Лени, не особенно переживает. Ее, оказывается, пообещали пригласить для участия в съемках какого-то фильма, и она больше озабочена, как бы похудеть для роли. Похоже, что настоящие переживания только у Лесневича-старшего. Сына как-никак убили. И так у него в последнее время дела не очень хорошо идут, а тут еще на свадьбу потратился. Хотя, как мне кажется, Красильников потратился больше. Но Леня все-таки при дочке остался. То есть дочка при нем.

Виктор Константинович задумался, после чего произнес уже деловым тоном:

— За неделю надо номер сделать. Вы уж напишите текст в том стиле, который мы с вами вместе выбрали. Отберите снимки и отдайте ответственному секретарю. Он макетик набросает, вставит рекламные полосы. А то что такое тридцать тысяч! Да и вам гонорар увеличить необходимо. Если все срастется у нас, получите за снимки и за текст — три тысячи евро. Хотя с вашими бывшими гонорарами это, я думаю, и сравниться не может. Или больше вы хотите?

— Вполне устраивает, — согласилась Аня. — За неделю работы — неплохие деньги.

— И я так думаю.

Сухотин был спокоен, как будто ничего страшного не случилось, невозмутимо подсчитывал прибыль.

— Как вам наш офис? — вдруг неожиданно заинтересовался Виктор Константинович. — Впечатляет?

— Мне он кажется странным, — честно ответила Аня. — Американцы используют каждый метр площади, экономят на аренде, на отоплении, на электричестве...

— А зачем мне экономить? Все эти площади принадлежат мне. И потом, это вам только кажется, что они пустые, а когда нужно, тут очень много народу собирается. Здесь проходят пресс-конференции, журналистские семинары. Наш издательский дом учредил журналистскую

премию, и здесь же она вручается. Очень солидная и престижная премия — «За честность и эффективность». Не слышали разве?

— Нет, — призналась Аня.

— Красивый офис — такое же лицо фирмы, как аппетитная попка секретарши. Вы уж простите мне это грубое сравнение. Но мы — солидное предприятие. Наш издательский дом выпускает почти десяток глянцевого журналов. Помимо «Светской жизни» еще и «Автосалон», «Кэт», «Флирт», «Фитнес боди»... Знаете, наверное?

— Разумеется, — ответила Аня, хотя никогда не видела этих журналов.

Сухотин продолжал рассказывать о своей фирме, а она не понимала, почему вдруг он вообще завел этот разговор. Кто такая Аня Игнатьева, чтобы говорить с ней об этом, расхваливать фирму? Наемный работник, который пока еще ничем не отличился. Разве что она дочь известного экономиста-теоретика. Не рассказывать же каждый раз, что с восьми лет не живет с отцом, что их разделяли разные города, а потом и вовсе семь лет разделял океан.

Мама только-только начинала работу на ленинградском телевидении, когда началась перестройка. Вокруг все заговорили о новом мышлении, о демократизации. И тогда молодая журналистка решила взять интервью у профессора экономики, который недавно вернулся из ссылки, куда был отправлен за свои публичные лек-

ции. Отправили его в Астрахань без права преподавания. В Астрахани он работал истопником в котельной. Но время изменилось, о нем вспомнили и вернули.

Телевизионное начальство сразу согласилось отправить съемочную группу во главе с молодой журналисткой в Москву. Толпой нагрянули домой к бывшему диссиденту, дверь им открыл моложавый сорокалетний мужчина в джинсах и в майке с портретом Горбачева. Как выяснилось потом, майку он надел специально для камеры.

Молодая журналистка растерялась тогда, потому что ожидала увидеть убежденного сединами мудреца вроде Василия Леонтьева или Адама Смита. Интервью получилось длинным и больше напоминало монолог.

Передача прошла по ленинградскому телевидению, потом еще по центральному каналу, вызвала, как тогда говорили, широкий общественный резонанс. Михаил Васильевич Игнатьев говорил много. Что нужно что-то менять, но обязательно отказываться от коммунистической идеологии, потому что коммунизм и социализм не являются двумя фазами одной общественной формации. А в СССР, по сути, не социализм, который присутствует определенно в Швеции или в Германии.

Профессор говорил, а молодая журналистка благоговейно внимала.

«У нас — государственный капитализм, потому что все средства производства принадлежат

государству и каждый участник производственного процесса не является собственником или акционером своего предприятия, не может продать свои акции или пополнить пакет, не получает дивидендов по итогам деятельности фирмы, а только зарплату — почасовую или сдельно-премиальную. Социализм как система социальной защищенности трудящихся — вещь очень хорошая, и в СССР многого добились в этом направлении. Теперь надо развивать все это. Но для начала следует...»

Мама влюбилась сразу. Вернувшись домой, только и думала, как бы снова попасть в Москву, даже к начальству пошла с идеей для нового интервью, но ей сказали: «Все! Хватит! Гласность, конечно, хорошо, но всему должны быть пределы!»

Мама очень переживала, но профессор Игнатьев позвонил сам, сказал, что хотел бы встретиться, но не для того, чтобы под камеры что-то говорить, а наоборот... И через день приехал в Ленинград. Они провели вместе три дня, гуляли по городу, много разговаривали на разные темы. Вечером он провожал будущую жену домой и возвращался в гостиницу. А перед своим отъездом признался в любви. Со свадьбой решили не тянуть. Молодая журналистка переехала в Москву, где у ее мужа была кафедра.

Вскоре родилась Аня. Дела Михаила Васильевича шли в гору, и новый президент свободной России пригласил Игнатьева в свою команду

для разработки экономической модели развития. Но потом все изменилось: Ельцин отказался от его услуг, поверив молодым экономистам, которых тут же окрестили «младореформаторами». Началась инфляция, перебои с продуктами... Игнатьевы жили, как и все. Михаил Васильевич мог уехать за границу, куда его приглашали, но он отказывался, словно выжидая чего-то. дождался лишь одного: молодая жена забрала дочь и вернулась в родной город, сменивший название на Санкт-Петербург.

К отцу Аня приезжала часто: каждые каникулы проводила в столице. Но в Москве ей было немного скучно, из всех развлечений отец мог предложить ей только музеи, а друзей Аня в Москве не завела.

Когда Аня училась в старших классах, у мамы появилась новая личная жизнь. Она вышла замуж за удачливого бизнесмена, от которого, впрочем, фортуна вскоре отвернулась, и он разорился. На остаток средств Анин отчим приобрел домик под Валенсией, куда и уехал с женой. Аня тогда училась на первом курсе и в Испанию перебираться отказалась.

Глава 7

После встречи с Сухотиным Аня вернулась домой и сразу принялась за работу. Рассматривая фотографии со свадьбы в очередной раз, она невольно задавалась вопросом: кто же застрелил